

K 356/42r.

№ 23 ИЮНЬ МОСКВА 1942

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ XXI

ЦЕНА НОМЕРА — 40 КОП.

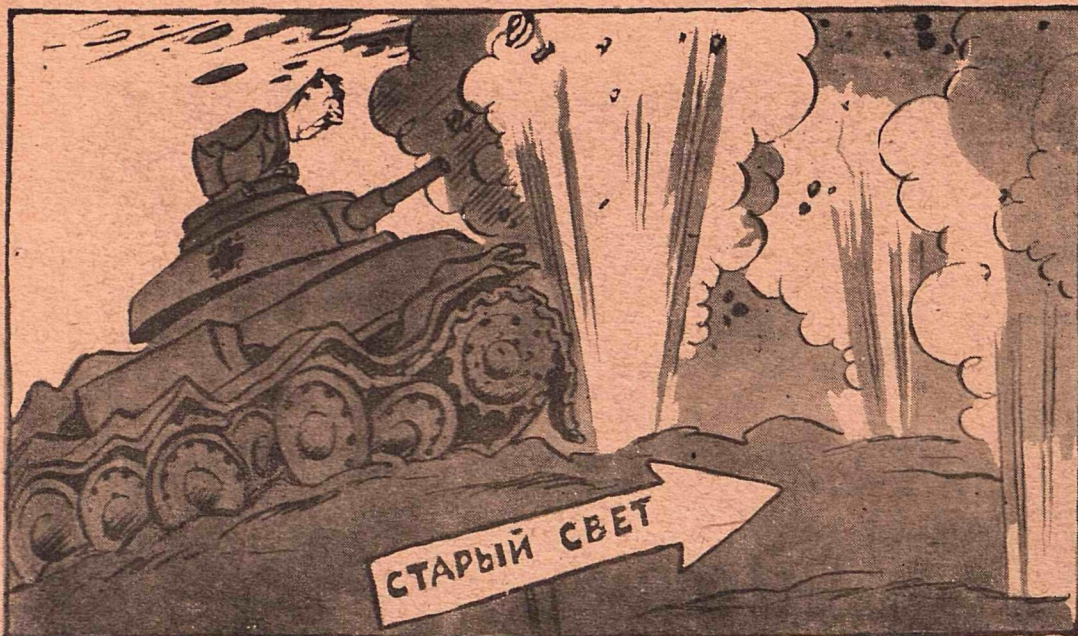
К Р О К О Д И Л

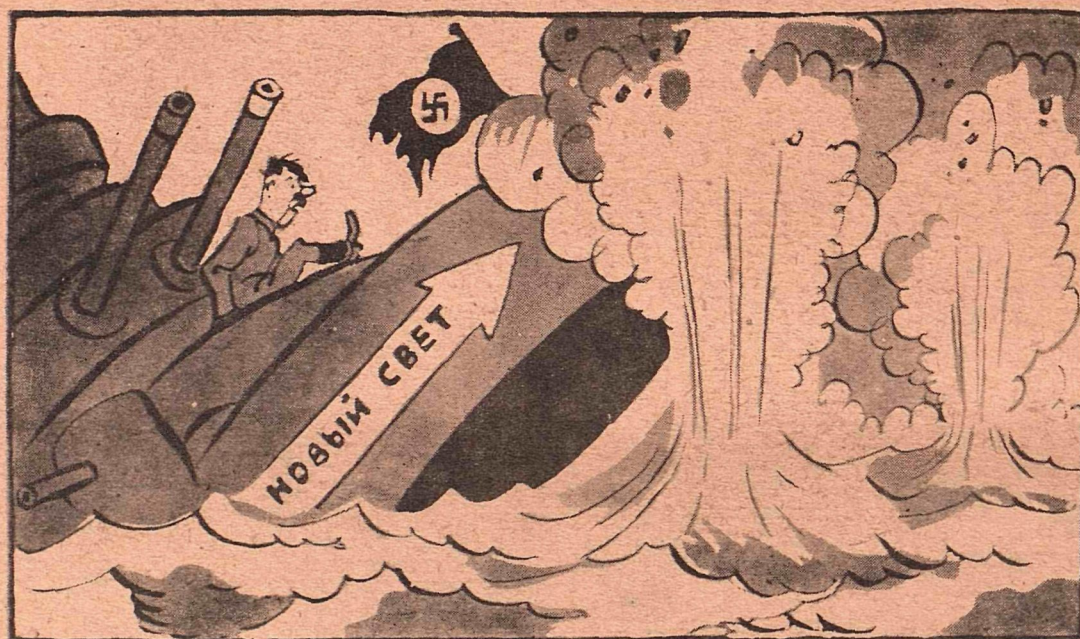
Рис. Л. Бродаты

КСТАТИ, О БОЛТУНАХ

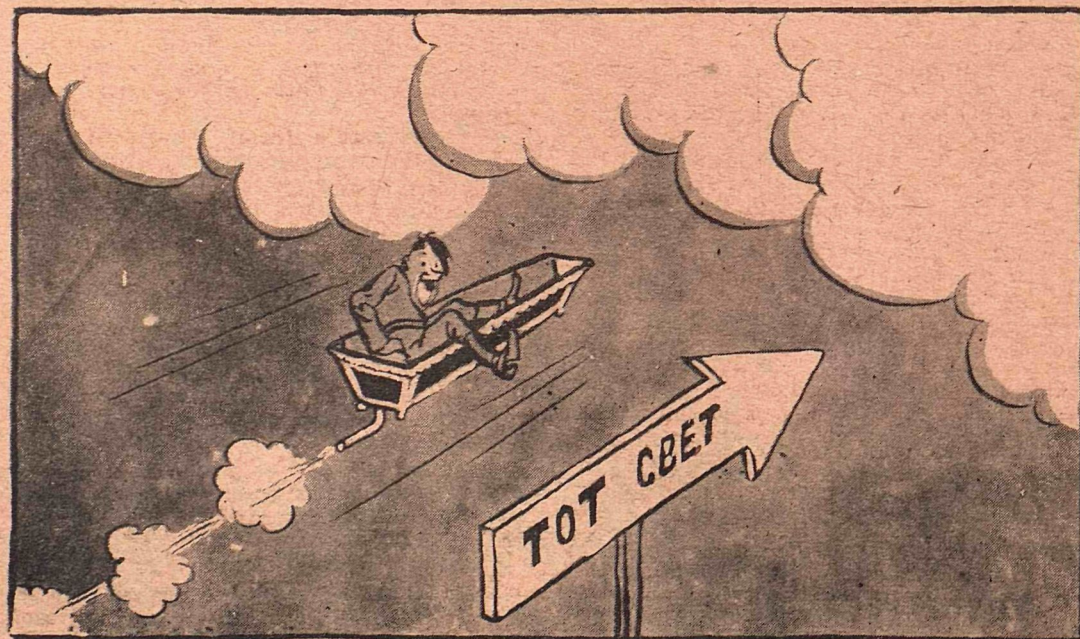
— Я вас впервые вижу, а замечаю, что имею дело с положительным человеком. А вот в прошлую поездку попался мне спутник... Он увидел вон тот завод и сразу выболтал, что там сейчас делают пушки. Вот болтун! Вот разгильдяй!

— Тут, пожалуй, не проедешь!..

— А тут не доплывешь!..

— Остается один путь!

Биров

— Алло! У телефона Сенькин Иван Трофимович.

— Доброго здоровья, дорогой Иван Трофимович! Кто вы такой?

— Ответственный секретарь заводоуправления. Здравствуйте! Позвольте узнать: с кем имею удовольствие разговаривать?

— Биров. Аким Митрофанович. Новый агент главка по снабжению. Биров.

— А, честь имею! Рад познакомиться. Чем могу служить?

— Мне нужен ваш директор.

— Чего нет, того нет.

— А скоро будет?

— Видимо, нескоро. На совещание вызван в очень руководящую инстанцию. По телефону сказать нельзя. Сами понимаете... Часа через два, не раньше. Ведь наш завод сейчас получил новое задание. Опять же по телефону не скажешь.

— Понимаю. Да я же в курсе.

— Вот-вот. Мы же перестроились сейчас на... это самое. По телефону неудобно...

— Да я и так знаю.

— Будем делать такие игрушки...

— Я в курсе.

— Игрушки на гусеницах. Ха-ха-ха!..

— Много, значит, работы?

— Два новых цеха приспособляем.

— Вот как!

— А колесики снимаем с производства. На другой передаем. На третий завод.

— Ага! Все ясно. А вы, значит, расширяетесь?

— Еще как! В сборочном рабочую силу увеличиваем в два раза. Еще одну кузницу достраиваем.

— Здорово!

— А вы зачем к директору?

— Так. Есть один разговор. Секретного порядка.

— Понимаю. Значит, по телефону нельзя?

— Само собой.

— Насчет подшипников, что ли?

— Угадали.

— Да я же тоже в курсе. Сколько даете?

— Еще не известно.

— Нам нужно два миллиона.

— Может, и дадим.

— Превосходно! Директор наш будет очень рад. Так вы заходите. Он уж, наверно, скоро будет.

— А как к вам пройти?

— Сейчас все в точности объясню. Войдете в Кривой переулок. Идите прямо. Только никого не спрашивайте, где, что и тому подобное. Сами понимаете, почему нельзя. Дойдете до серенького заборчика. Там калитка. В эту калитку входить не надо. А пойдете дальше. Увидите белое здание — это наша лаборатория. Тут возьмете направо, там увидите серый дом. Это электростанция. Пройдете шагов двадцать. Там будет будка — пост № 5. Вот тут на ваше имя будет лежать пропуск. Сейчас закажу. Как ваша фамилия?

— Биров.

— Как? Что-то плохо слышно.

— Скажу по буквам. Записывайте. Взяли карандаш?

— Взял.

— Болтуны.

— Есть.

— И.

— Есть.

— Разгильдяи.

— Есть.

— Они.

— Есть.

— Враги.

— Есть.

— В общем — Биров. А, может, еще и хуже врагов.

— В чем дело? Кто это? Алло!

— Да это я, малоуважаемый Иван Трофимович. Это я, Котельников. Звоню по внутреннему из соседней комнаты. Говорили мне про вас. Вот и хотел проверить.

— Я хотел бы объяснить. Это — недоразумение.

— Хватит: вы уже объяснялись с Бировым.

Г. РЫКЛИН

В Германии произведены аресты среди судебных чиновников. Им предъявлено обвинение в «мягкотелом отношении к элементам, выражающим недовольство войной и неверие в победу Германии».

Рис. В. Горяева

Суд идет!

Разговор с папой

ЗВОНИТЬ по телефону к маме на работу Лельке строго запрещено.

— Только в крайнем случае можно позвонить, — не раз говорила Лельке мама.

И вот сегодня утром, вернувшись с прогулки, взволнованная, покрасневшая Лелька бросилась к телефону и стала набирать номер. На всю квартиру раздался звонкий лелькин голос:

— Позовите Петрову, я в крайнем случае звоню!

Торопясь и захлебываясь от восторга, Лелька рассказала маме какую-то несвязную историю. Она будет сегодня говорить с папой — не через трубку, а перед такой пластиночкой, и папа на фронте все услышит.

Оказалось, что нашу Лелю пригласили в радиостудию участвовать в передаче для фронта.

— Только надо раньше все придумать, чего я буду делать, а то потом все забудешь, — авторитетно объяснила Лелька соседям.

Соседи приняли горячее участие в предстоящем событии. Все стали давать Лельке советы, все просили передать папе привет и пожелать ему победы над врагом. Анна Васильевна, петина бабушка, посоветовала прочесть стихи, а первоклассник Петя считал, что Лелька должна спеть песню.

— По радио всегда поют, — солидно заявил Петя, — я сам хором в утреннике пел, только мне учительница не велела петь, потому что у меня слух не тот.

Петя предложил устроить репетицию. Он поставил на стол юпичечную коробку и объяснил Лельке, что это микрофон, перед которым она должна говорить.

Лелька заволновалась.

— Дорогой папочка! — сказала она. — Мы все здоровы, у меня тридцать шесть и шесть, мне в прошлом году температуру мерили.

— Громче надо говорить! — прервал Петя и, оттолкнув Лельку от стола, закричал изо всех сил в юпичечную коробку:

— Дядя Сережа, бейте фашистских гадов!

Репетиция продолжалась долго. Петя подвергал лелькино выступление самой суровой критике.

— Очень ему интересно знать, что у тебя прыгалки есть! — возмущался Петя. — Ты ему про Действующую армию говори, а не ерунду дошкольную. Давай начинай сначала!

Лелька послушно начинала сначала:

— Дорогой папочка, я бы тебе о прыгалках сказала, но ты Действующая армия...

Вечером за Лелькой пришли из Радиокомитета.

В передаче для фронта участвовало много народу, но Лельку это несколько не смущало.

— У вас тоже папа на фронте? — спросила она у пожилого, седого пианиста Ивана Демьяновича.

— У меня сын на фронте, голубушка!

— А у нас папа, — подтвердила Лелька.

Началась передача, а студии наступила тишина. Лельку подвели к микрофону, диктор подал ей знак рукой.

— Можно начинать? — спросила Лелька в эфир и продолжала громко и уверенно: — Дорогой папочка! У нас была репетиция, но я тебе по-другому скажу, без Петьки. Мама послала на фронт посылку с завода. Если ты мамину посылку не получишь, ты еще какую-нибудь возьми: они много послали, всем хватит.

Лелька замолчала на секунду, а потом прибавила: — Бей фашистских гадов, папочка!

Петя ждал Лельку на улице около дома.

— Ну как прошла передача? — осведомился он тоном опытного радиоработника. — От меня поклон передача?

Лелька задумалась.

— Кажется, передала, — сказала она, с опаской взглянув на Петю; вид у него был такой грозный, что Лелька быстро прибавила: — Передала, передала! Папа тебе тоже кланяется! Он сказал: «Передай Пете большое спасибо».

А. БАРТО

На перроне

ОБМЕН

Рис. Л. Бродаты

КАРЛ Штрумке из Кельна, чертыхаясь, вышел из буфета и уныло побрел по еще мокрому от утренней росы станционному перрону.

Было великолепное летнее утро. Стайки ласточек, точно «харрикены», носились в воздухе, а ленивые облачка, как тяжелые «спитфайеры», почти неподвижно висели в небе.

Карл Штрумке с остатками своей семьи пробирался из разрушенного Кельна в Баварию.

Стоявший на перроне станционный служитель вежливо осведомился:

— Ну что, господин?.. Позавтракали?

— Позавтракал, — неопределенно буркнул Штрумке.

— Что изволили съесть?

— Изволил съесть баранью котлетку... Да, кстати, — и пассажир интимно взял железнодорожника за луговицу, — не знаете ли вы, какое именно животное скрывалось здесь под псевдонимом барана?

Служитель только пожал плечами:

— К сожалению, не знаю, господин... Правда, раньше у них тут кошка бегала... Но ее, кажется, еще на прошлой неделе подавали как дикую утку...

Около газетного киоска Штрумке неожиданно столкнулся со старым знакомым, Отто Кирхером из Бремена. Отто держал в руках свежий номер «Фелькшпер беобахтер» с заметкой об английских воздушных налетах.

Приятно было прочесть, что Бремен, который на глазах Кирхера пылал, как стог сена, оказывается, даже не загорался...

— Кирхер!

— Штрумке!

Приятели обнялись.

— Вот неожиданная встреча!.. Что вас занесло сюда, Карл?

— А вас, Отто?

Отто подозрительно покосился на приятеля. Дружба — дружбой, но в наше гитлеровское время надо быть настороже. Раз газета пишет о том, что Бремен не горел, значит, нужно помалкивать о том, что он сгорел.

— Я... гм... на курорт еду...

— На курорт?!

— Да... А что вы так удивляетесь?.. Вы же знаете, какой в Бремене вредный для здоровья климат...

— Догадываюсь, какой...

— У меня подагра, слабые легкие... Бавария — чудесный курорт...

— Думаете, туда не долетят?

Кирхер криво улыбнулся на своем лице гримасу крайнего удивления:

ПИКОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Рис. Б. Фридкина

— Чего ты ревешь, Фриц!
— Мой танк сгорел!
— Ничего, тебе дадут новый!
— Оттого я и реву!

— Кто не долетит?

— Жаворонки... Что вы притворяетесь, Отто? Вы прекрасно понимаете, что речь идет об английских жаворонках типа «бостон» и «спитфайер» дальнего радиуса и большой бомбовой нагрузки...

— Ах, вот оно что, Карл! Значит, вы попросту удрали из Кельна от английских налетов?

Теперь уже Штрумке подозрительно покосился на приятеля. Чорт его разберет! Странный какой-то разговор. Сам врет, что едет на курорт. Подагра, мол, гонит. Знаем мы эту подагру! От этой подагры Кельн превратился в груду развалин, да и Бремен, по слухам, выглядит не лучше.

Однако вслух он сказал:

— Что вы, Отто?! Какие налеты?! У нас в Кельне спокойствие, тишина...

— Тишина?

— Абсолютная... Как на кладбище... Кругом холмики, могилки... Просто уезжать не хочется... Но мне надо было отправиться... Гм... в свадебное путешествие...

Кирхер громко расхохотался:

— В свадебное?! Ха-ха-ха!.. А куда вы внуков девали? Хорош свадебный вояж — через тридцать лет после свадьбы!..

— Ну, так что?.. Просто у нас несколько затянулся медовый месяц...

Неизвестно, чем кончилась бы беседа друзей, но в этот момент к станции подошел поезд, переполненный жажущими баварского спокойствия беглецами с севера.

Из последнего вагона вывалились сундуки, вслед за сундуками — старушки, а затем уже и сам владелец сундуков и старушек эссенский коммерсант Фридрих Курц.

Послышались восклицания:

— Курц!

— Кирхер! Штрумке!

Приятели обнялись.

— Вот неожиданная встреча! Что вас занесло сюда, Карл? И вас, Отто?

— А вас, Фридрих?

У новоприбывшего путешественника почему-то сразу запершило в горле:

— Меня?.. Кха-кха... Я, видите ли, еду... гм...

— Знаем! На курорт!

— Вероятно, в Эссене очень вредный климат. Разрушается здоровье.

— Что здоровье?! Там, должно быть, целые кварталы разрушаются.

Курц превозмученно покосился на приятелей. Что за подозрительно странные речи?

— Нет, я не на курорт... Просто, господа, выбрался... Гм...

— В свадебное путешествие! По случаю десятилетия смерти жены...

— Да, да, да. Понимаем. Вояж. Медовый месяц с парализованной теткой!

А когда они уже сидели в набитом сундуками и пассажирами вагоне поезда, уходящего в Мюнхен, Курц, наклонившись к уху Штрумке, шепнул:

— Геринг обещал покончить самоубийством, если хоть одна бомба упадет на Герма...

— Старая история, — перебил Карл, — о ней писали и говорили тысячу раз...

— Знаю... А Гитлер не обещал?

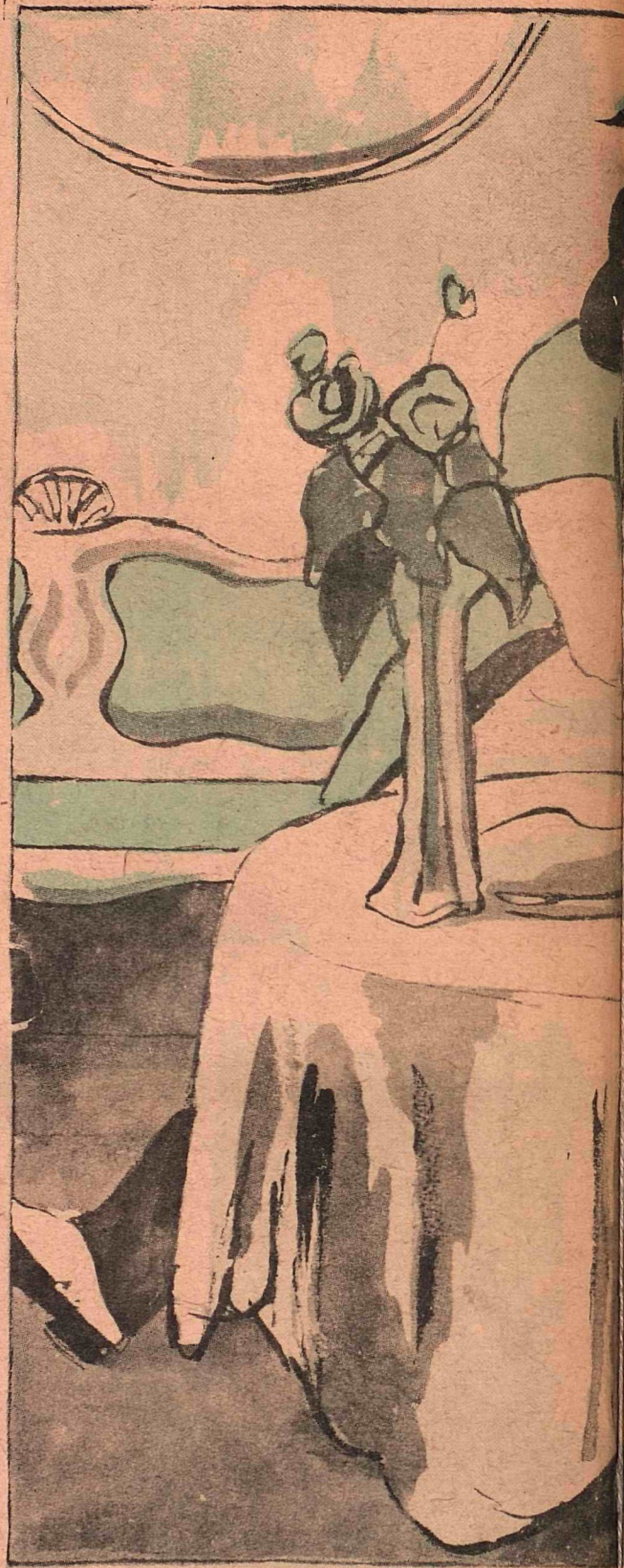
— Нет... А что?

— Жаль... А то заодно бы!

Евг. БЕРМОНТ

НОВОЕ В ВОЕННОЙ ТЕХНИКЕ

Из донесения немецкого офицера: «Дивизия мною теперь полностью механизирована: не только танки — солдат без горючего с места не сдвинешь».

— А немцы не очень щедро много платят, а тебе?

Прямой по фашист

Сбито триста на лету,
Сбито двести на мосту,

Сбиты сотни при посадке,
Сбито сорок на Камчатке,
Сбито тридцать в Ленинграде,
Сбито двадцать на параде,

Метким ударом

(По столбцам красноармейской печати)

В СУДЕ

— Фриц Дриц! Вы обвиняетесь в том, что во время контратаки на русских побежали на запад...

— Господи боже мой, герр судья! Так ведь я догонял обер-лейтенанта фон Граббе, чтобы ему сказать: весенние солдаты разбегаются...

(«Бей врага»)

ПОСЛОВИЦЫ МИНОМЕТЧИКОВ

Чисть получше миномет —
Не получишь недолет.

Коль прицел возьмешь ты точно, —
Сразу фрицам будет тошно.

Хорошо снарядишь мину —
Быстро ганс покажет спину.

(«За советскую родину»)

В ФАШИСТСКОМ ГОСПИТАЛЕ

Врач (новоприбывшему раненому): — Скажи, Фриц, что слышно на фронте о нашей победе?

Фриц: — От грохота русской артиллерии и разрывов снарядов, господин доктор, ничего не слышно!

(«Часовой Севера»)

ПОГОВОРКИ СТРЕЛКОВ

Если не хочешь быть дичью, — становись охотником!

Хороший стрелок — серебро, а снайпер — золото!

(«За советскую родину»)

ПРИУЧИЛ

— Почему Геббельс заявил, что на Кельн налетало только 70 английских самолетов?

— Чудак! Если бы он назвал тысячу самолетов, так все подумали бы, что их было 10 тысяч!

(«Знамя Советов»)

СМЕХ ПОД АРЕСТОМ

Известный венский комик Фердинанд Вейс заявил с эстрады:

— Раньше нам жилось хорошо. Теперь лучше. Но было бы еще лучше, если бы нам опять жилось хорошо.

Немцы за эту остроумную арестовали Вейса.

(«На разгром врага»)

СИЛА ПРИВЫЧКИ

Фриц: — Что это Карл вечно ходит с опущенной головой?

Эрнст: — Привычка. За последний месяц русская артиллерия не давала нам поднять носа от земли.

(«Боевая красноармейская»)

СРЕДИ ФИНСКИХ БАНДИТОВ

— Отчего ты такой грустный, Отто?

— Да как же: фашисты грабят, министры воруют, полиция обирает... Что же нам, бедным промилам, достанется?!

(«Сталинский гвардеец»)

ИСКРЕННЯЯ ОЦЕНКА

Рис. К. Елисеева

— Энергичные ребята — наши эсэсовцы!
— Да уж парни — отдай все да мало!

ы, котик Лаваль! Мне они не так уж

й наводкой
ским сводкам!

Сбито десять при погрузке,
Сбито двадцать пять в обед...

Сбито столько, что у русских
Самолетов больше нет!

Отчего так гады врут?
Потому что гадов бьют!

Александр ПРОКОФЬЕВ

Ленинград.

Скандал в шалмане

В КАБИНЕТЕ у нашего знакомого следователя мы видели однажды вора. Сидя в кресле, он горько плакал, растирая грязным кулаком голубые жуликоватые глаза. Признаться, мы были растроганы этим бурным проявлением раскаяния.

— Что, старина, совесть мучает? — спросили мы.

— Да, — тоскливо ответил вор, — она самая...

И захныкал еще жалостливей:

— Что я наделал! Ведь я же потерял отныне для общества... Ведь этого же мне не простят...

— Ну, ничего, — возразили мы, — исправитесь. Усердным трудом и воздержанием от преступлений вы, несомненно, заслужите прощение.

— Нет! Такие вещи не прощают... — мрачно сказал ворюга, шмыгнув носом.

— Что же вы такое наговорили? — в ужасе спросили мы, отшатнувшись от этого исча-

дия ада. — Вырезали семью? Убили свою магушку? Ограбили отделение банка?

— Хуже, — пробормотало исчадие. — Перед самым моим арестом я имел глупость спереть часы у товарища...

Ища сочувствия, он бурно изрыдал чистыми, младенческими слезами:

— Эх, да вам меня не понять!.. Понимаете, у своего украл! Меня же теперь ни в один шалман не пустят!..

У уголовников есть своя этика. Она строга и взыскательна. Укравший у «своего» считается парнем и скотом даже в мире профессиональных жуликов. Он, так сказать, выродок среди мерзавцев и мерзавец среди выродков. И нет ему места даже в шалмане, то есть на воровской квартире.

И только у одного вида уголовников — у немецких эссовцев — отсутствует даже такая примитивная этика.

Командир 11-й роты 1-го пехотного полка дивизии СС «Мертвая голова» издал приказ по роте (№ 12), гласящий:

«С тех пор, как я возвратился из госпиталя, я не узнаю моей роты, моей старой, 11-й роты. Мне порой кажется, что я команду сбродом мошенников, а не ротой СС, которая как будто является отборной частью немецкого народа».

Хозяин воровской квартиры вернулся после отлучки и не узнает своих молодчиков. Боже, что творится в притоне!

«Случаи воровства участились. Я не могу надеяться ни на одного из моих людей или оказывать ему доверие, ибо бывает, что даже самого меня обкрадывают тем или иным образом».

Вот это уже совсем выводит из себя беднягу командира. Он взбешен. Стоило ему отлучиться на минуточку, как у него из-под носа слямзили добычу. Если эти скоты-солдаты будут так бессовестно таскать, то что же останется, чорт возьми, на его долю?!

«Для неисправимых преступников, — грозит дальше ротный командир, — я не знаю пощады и перевозжу их в «скопище потерянных». Это сводная группа, в которой состоят исключительно воры, дезертиры и прочие негодяи, чья честь может быть восстановлена только милостивой пулей врага».

Виде наказания за разные жульнические дела:

1. Передаю в военный суд дело о воровстве на стрелка Эшмана из 2-го взвода. Одновременно ходатайствую о его переводе в «скопище потерянных».

2. Отменяю впредь поощрительные отпуска солдатам в обоз, ибо старшие стрелки СС Гартман (1-й взвод), Варзер (2-й взвод), стрелок СС Холингер (3-й взвод), будучи в обозе, нашли нужным сразу же проявить свою признательность за гостеприимство тем, что уворовали масло и колбасу».

Караул! Северные рыцари сперли колбасу! И, доведенный до отчаяния, отец-командир с трогательной непосредственностью восклицает:

«Пусть даже полроты придется перевести в «скопище потерянных», чем терпеть все это безобразие! Лучше уж не командовать ротой, чем иметь дело с такими людьми!»

Настоящий приказ прочитать командирам взводов перед строем отделений.

Гауптштурмфюрер и командир роты Вебер».

Чистые, детские слезы катятся из голубых глаз бандита. Полная деморализация и разложение в еще недавно безоблачно ясном и добродетельном шалмане. Вор у вора отмычку украл.

Шум доносится из воровского шалмана. Передравшаяся жульбия вцепилась друг другу в носы, волосы и глаза. Пусть их дерутся! Скоро «милостивая» пуля советского бойца раз и навсегда прекратит эту перебранку бандитов!

БРАТЬЯ ТУР

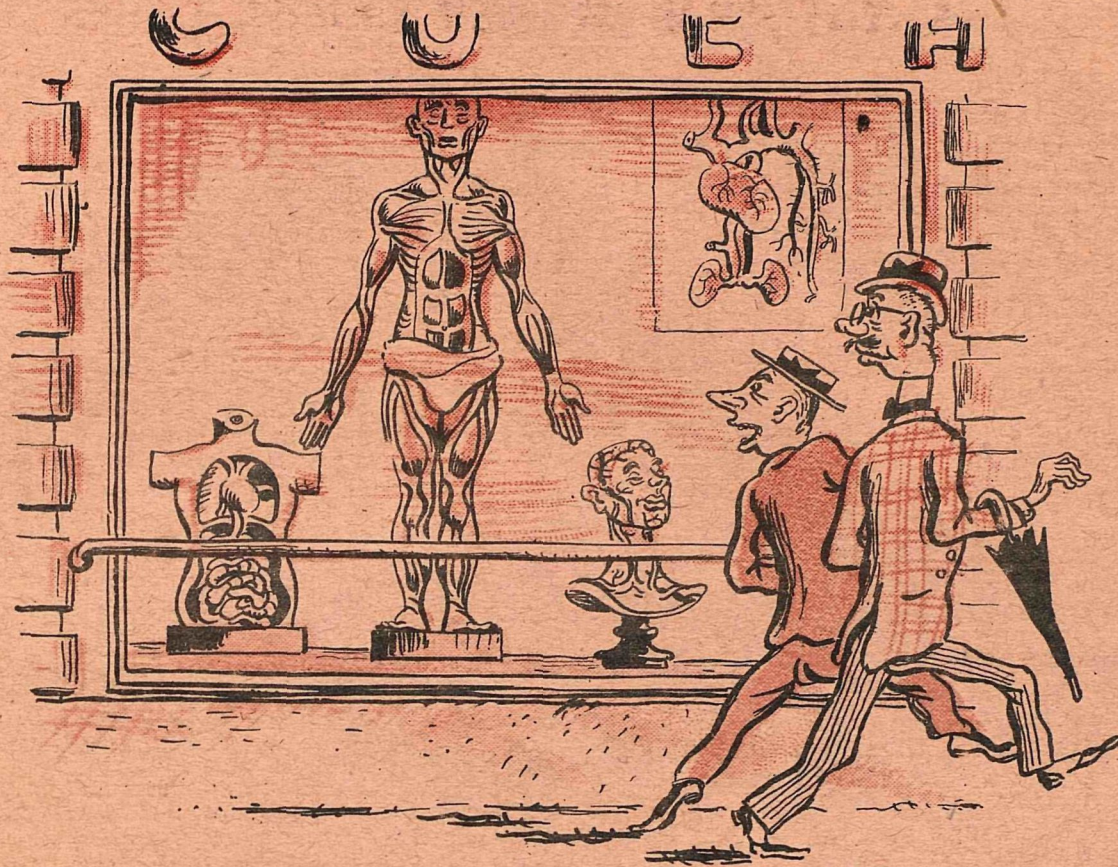
Северозападный фронт.

МАННЕРГЕЙМУ ИСПОЛНИЛОСЬ 75 ЛЕТ

Рис. Б. Клинка

Беспокойная старость.

— Посмотри, вот изображение идеального немца. Он сдал все вещи и уплатил сполна налоги.

✓ Через год

22 июня 1941 года — в первый день нападения фашистов на Советский Союз — в Берлине происходила шумная демонстрация. Вот тогда-то штурмовик Генузе, не удержав огромного знамени с двухметровой свастики, угодил по голове штурмовика Людвиг Штрипфелькухена здоровенным древком. С той поры память у Штрипфелькухена отшибло начисто.

Сперва ушибленный штурмовик содержался в лечебнице, потом его отправили домой, и огромный этот дегина, с бессмысленным взглядом, долго мучил соседей, взламывая замки и пожирая то небольшое из съестных припасов, что он мог обнаружить. Идиоты хотели было отравить газом, как всех неизлечимо больных в Германии. Но, приняв во внимание заслуги идиота перед фюрером, решили лечить штурмовика. Доктора уверяли, что память постепенно возвратится к Людвигу Штрипфелькухену.

И действительно, в начале июня нынешнего года супруга идиота, вернувшись откуда-то домой, обнаружила, что ее бесценный супруг стоит перед зеркалом и пытается расчесать волосы, чего он давно не делал.

Штурмовик обернулся к жене и сказал с грубостью, напомнившей ей прежний его тон:

— Да, чорт возьми, долго я провалялся после этого удара... Что я, дня три — четыре был без памяти, Эльза, а?

— Нет, побольше, — ответила жена.

— Какая жалость! Так я мог проспать всю русскую кампанию!.. Скажи, наш фюрер уже совершил торжественный въезд в Москву?

— Нет, Людвиг, фюрер еще не въехал в Москву...

— Ага. Ну, а Кавказ, я надеюсь, уже в наших руках? Нефть, горючее должно быть, льется прямо в Берлин по нефтепроводу, устроенному генералом Готтом...

— Пока еще не льется. И потом, генерал Готт немного убит...

— Что ты говоришь? Ну, а Ленинград? Говорят, это один из красивейших городов Европы. Ленинград-то, по крайней мере, занят нами?

— Нет, не занят...

— Чорт возьми! Сколько же времени я был без памяти?

— Несколько...

— Дней?

— Нет...

— Недель?

— Доже нет...

— Ну, не месяцы же я болел! Смотри: ведь еще лето...

— Не еще, а опять. Сейчас лето 1942 года, Людвиг.

Услышав это, штурмовик рухнул на кровать, будто древко во второй раз ударило его по черепу. Он прохрипел:

— Ты шутишь!..

— Нет, Людвиг...

— Прошел год, и мы еще воюем с русскими?

— Воюем, Людвиг...

— А что же говорит фюрер?

— Он говорит, что ко второй зимней кампании немецкая армия будет подготовлена лучше, чем к первой...

— Значит, первая зимняя кампания была не особенно... Боже, как ты похудела, Эльза!..

— Ничего не поделаешь, Людвиг. Ты знаешь, какая норма выдачи хлеба теперь?..

— Неужели и Украина, богатая Украина, тоже не в наших руках?

— Мы захватили большую часть Украины, Людвиг, но оказалось, что там нелегко взять хлеб.

— Ничего не понимаю!.. Вытри слезы, Эльза!.. Чем ты их вытираешь? Где твой носовой платок?!

— Мои и твои платки, скатерти, простыни, одежда — все взяли у нас. Если увидят у меня эту тряпку, меня арестуют. Поэтому я прячу ее за наличник двери...

— Ничего не по... — начал было штурмовик, но тут в комнату вошли двое в коричневых куртках.

— Фрау Штрипфелькухен, — сказал один, — хотя ваш муж и болен...

— Он выздоровел. Говорите с ним, вот он.

— Отлично. Так вот, здоровы вы или больны, любезный, собирайтесь: вы призваны на русский фронт!

— Позвольте, господа, я сам штурмовик, но я еще не совсем оправился...

— Ничего! Там и оправитесь — в России.

Через четверть часа штурмовик Штрипфелькухен плелся по направлению к призывному пункту и бормотал про себя:

— Свинья все-таки этот Генузе: не мог ударить меня своим древком как следует, чтобы мне не довелось приходить в себя в такое дурное время...

В. АРДОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградская шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 80 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

А 50929

Москва. Изд. № 544.

Подписано к печати 7/VII 1942 г.

Статформат 72 × 105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 72000

Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 1820. Тираж 200 000 экз.

20

15075

ПОСЛЕ АНГЛИЙСКОГО НАЛЕТА

Рис. А. Каневского

— Где эта улица, где этот дом?..